

Б. Н. Граков, Ю. Г. Виноградов

НОВЫЕ НАДПИСИ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

НЕДАВНО лапидарный архив древнего Херсонеса обогатился еще двумя интересными памятниками, публикации которых и посвящена настоящая статья.

1. Фрагмент мраморной плиты обломан с трех сторон, с левой стороны сохранилась частично рельефная профилированная рамка. Размеры камня 32,5×25×9 см. До нас дошло 13 строк надписи; крупные красивые буквы врезаны глубоко, высота их 1,5—2 см. Плита найдена при раскопках портовой части Херсонеса в 1968 г. экспедицией Харьковского государственного университета под руководством В. И. Кадеева¹, которому авторы хотят выразить признательность за любезное разрешение опубликовать этот документ (рис. 1).

- [-----παρασκευασμέ-----]
1. νος τάξιγ ἐν [τῆ πόλει ἐποίησα-
το· τῶν ἐν ἀ[ρχαματιῶ (?) ὄντων παρ'
ἀμέ στρατιῶ [τῶν-----
- τε γὰρ κοσμ [ήσας-----]ιχα-
5. νᾶν τὰ βαρβ[αριχᾶ στρατεύμ-
ατα <εα> ἐξαμεῖ [βεν-----διὸ εὐ-----
νόμως δὲ ἀμ [οῖς δεδόχθαι πλη-----
στείω μεγαλοδῶ [ρω αὐτῶ ἀπο-----
δ(ό)μεν <ν> ὡς οἶα ἀ[ρχουσι (?)-----
10. καὶ τοῖς ἱεροῖς τ[αμιῶσι (?)· ὧν δὲ
τῶν διασάμων [ἀνδρῶν δαμο-----
κρατίαν ποτ[ι-----] ἀν-----
αχομισατ]ο (?)·μ-----

Стк. 2 — наряду с ἀρχαματιῶ можно было бы ожидать и ἀπορία — выражение, часто употреблявшееся в надписях, смысл от этого не меняется.

Стк. 3 — для формы ἀμέ вместо ἀμές ср. IOSPE, I², № 352,11. С причастием κομήσας скорее всего было связано, сообразуясь с контекстом, дополнение μισθοφορίαν.

Стк. 4 — для заполнения лакуны можно предложить πάσαν.

Стк. 9 — ἀποδόμεν вместо ἀποδῶμεν — ошибка резчика, так же как в этой же строке <ν> и в стк. 6 <εα>. ἀποδίδωμι требует управления τινί τι, т. е. аккузатива, в то время как мы имеем явный датив: πληστείω μεγαλοδῶρω. Несмотря на тщательность исполнения букв, надпись писал не слишком грамотный резчик — явление, столь частое в эпиграфике.

¹ В. И. Кадеев, Исследования в портовой части Херсонеса, «Археологические открытия 1968 г.», М., 1969, стр. 287. Надпись издается по фотографии и тщательно выполненной кальке, присланным автором раскопок.

Стк. 10 — восстановлению *τοῖς ἰεροῖς ταμίαις* противоречит отсутствие этой должности в римское время. Кроме того, до введения новой эры Херсонеса она писалась *ταμίαι τῶν ἰερῶν*, однако лучшей конъектуры предложить мы не можем. Не исключена вероятность того, что эта магистратура существовала и в римскую эпоху и нам она не известна в это время из-за скудости источников.

Стк. 12 — после предлога *καί* возможно предложить *τὸν δᾶμον* или *τὴν πόλιν*. Восстановление *δημοκρατίαν ἀναγορίσατο* весьма вероятно, ср. IOSPE, I², № 355.

П е р е в о д ²: «...устроив,] навел порядок [в городе; и в то время как] солдаты пребывали у нас [в безденежье], он, поскольку организовал [всю необходимую выплату жалованья,] отразил [...] варварские полчища, [за что] нами (уже) было по справедливости [решено] воздать [ему] великой щедростью, как достойным казалось [архонтам...] и казначеям священных сумм (?); [будучи же из (числа)] отмененных мужей, он [восстановил] демократию для [народа (?)]...».

Тщательно прорезанные красивые буквы имеют ближайшей аналогией шрифт надписи, датированной 180 г. н. э.³ Отличие лишь в том, что на нашем камне нет интерпункционных знаков. Оригинальная форма *κσι* абсолютно аналогична рисунку этой литеры в надписи о проституционной подати (IOSPE, I², № 404, ср. Соломоник, ук. соч., табл. на стр. 189), которая датируется 185—186 гг. н. э. Остальные буквы последней надписи отличаются от наших. На основании сопоставления палеографии с указанными выше двумя памятниками можно датировать наш документ последней четвертью II в. н. э. Правда, В. В. Латышев сделал ценное наблюдение, что со второй половины II в. н. э. в Херсонесе вводится *κοινή* (см. IOSPE, I², комм. к № 425, 508, 513, 518). Однако минимальное количество датированных памятников этой эпохи не позволяет нам судить о том, проводилось ли это нововведение в исключительном порядке, весьма возможно, что *κοινή*, пришедшее в Херсонес скорее всего вместе с римскими легионерами-фракийцами (об этом ниже), не сразу прижилось и часть документов (даже официального характера) продолжала писаться на родном дорийском наречии.

Разбираемая надпись несомненно представляет собой почетный декрет в честь неизвестного херсонесского гражданина, которых так мало дошло до нас от этой эпохи. Транскрибированный текст является серединой декрета, ни преамбулы ни клаузулы не сохранилось. В приведенной части перечисляются заслуги данного лица (а он мог быть только херсонеситом) на поприще его политической деятельности. Наведение спокойствия в городе, выплата жалованья солдатам (по всей вероятности наемникам) и благодаря этому успешное отражение варварских полчищ (что он совершал, вероятно, неоднократно) — все эти деяния были высоко оценены гражданами города, постановившими, чтобы высшие магистраты по достоинству отплатили ему «великими щедротами». Особо следует отметить восстановление демократии для народа. Все перечисленные заслуги тесно сближают наш памятник с почетным декретом также в честь неизвестного гражданина тоже римского времени (IOSPE, I², № 355). Оба документа говорят о беспокойном положении Херсонеса, о волнениях толпы (IOSPE, I², № 355, стк. 19), о пришедших в упадок финансах (стк. 23), о нехватке хлеба

² С предложенными конъектурами. При восстановлении надписи издатели руководствовались тем, что, судя по бесспорным стк. 5 и 6, каждая строка содержала 21—24 буквы.

³ Э. И. Соломоник, Новые эпитафические памятники Херсонеса, Киев, 1964, № 26.

Рис. 1. Декрет в честь неизвестного гражданина Херсонеса

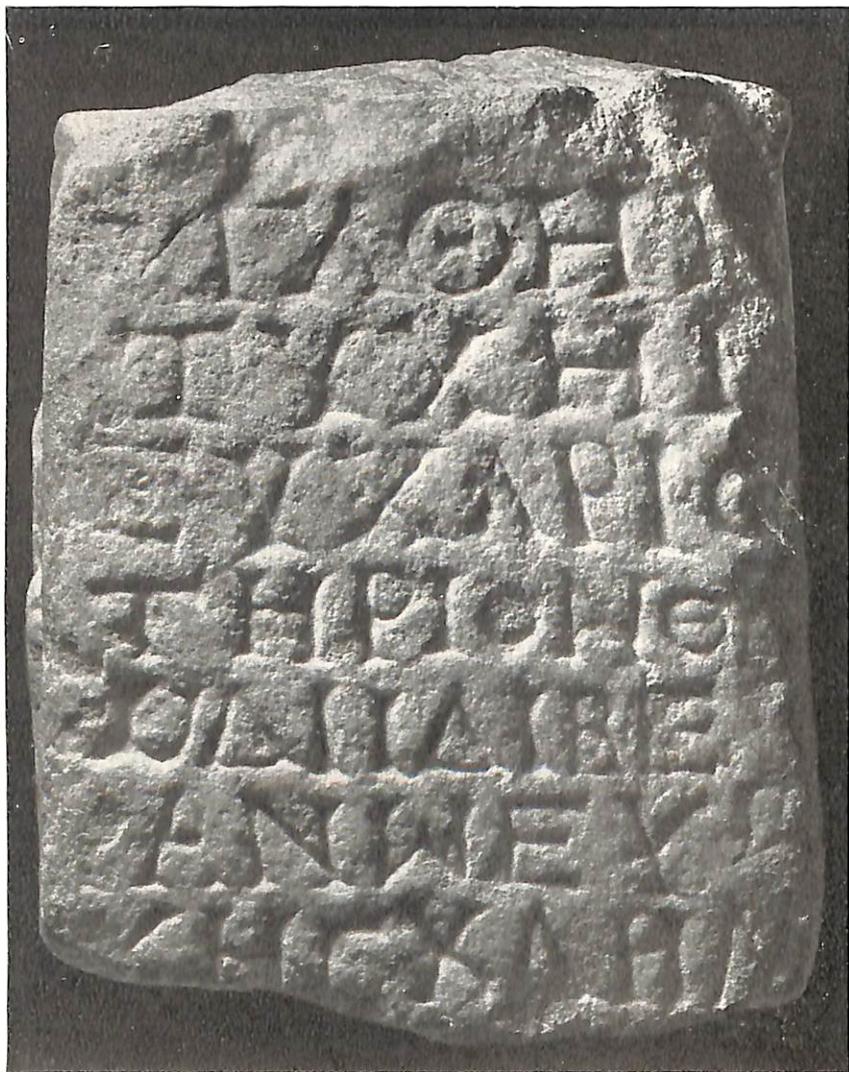

Рис. 2. Надпись на мраморном алтаре с посвящением Зевсу Дибранскому

(стк. 24), о постоянно беспокоивших неприятелях (стк. 26 и наша надпись, стк. 5, 6), о появлявшихся то и дело «тиранах» и попытках свержения демократии и свободы (сткк. 14, 15, 31, 40 и наша, сткк. 11 сл.), что заставляло часто собирать войско, очевидно наемническое (стк. 33 и наша, сткк. 2 сл.). И все эти неурядицы царили в городе несмотря на присутствие в нем подразделений римской армии. Это лишний раз говорит о малочисленности контингентов римских войск, оккупировавших Херсонес⁴.

Правда, вопрос о датировке надписи IOSPE, I², № 355 — спорный. В. В. Латышев не высказывает на этот счет своего мнения и лишь ссылается на Р. Канья, который относил декрет ко времени Тиберия. Не имея личного знакомства с этим памятником, мы не решаемся высказываться категорично, отметим лишь, что ничто в контексте документа не мешает относить его ко времени не первой, а второй оккупации Херсонеса. Решение вопроса, конечно, за палеографическим анализом.

II. Мраморная квадратная в плане колонка, тщательно обработана с трех боков, с четвертого — хуже. Верхней поверхности столбика рука мастера почти не коснулась, снизу колонка отбита. Размеры камня: 18,5 × 13,5 × 12,5 см. С боковых сторон в довольно высоком рельефе выполнены изображения орлов, держащих в клювах венки, головами они обращены к стороне, покрытой надписью. Орлы стоят на лапах с опущенными вниз крыльями. Правый орел дошел почти полностью, нижняя часть левого пришлось на излом. Изображение довольно примитивное, детали головы совсем не проработаны. На лицевой стороне сохранилось 7 строк надписи.

Камень найден при следующих обстоятельствах⁵. В 50-х годах при ремонте шоссе в гряде камней у обочины рабочие нашли рассматриваемый нами предмет. Участок шоссе, где производились работы, находится неподалеку от впадения Карантинной балки в Карантинную бухту. В этом районе проходила древняя дорога в Херсонес, рядом же располагался античный некрополь. Рабочие-дорожники передали камень своему инженеру, а через некоторое время вдова последнего подарила его художнику Л. Щипачеву, у которого мрамор был приобретен Государственным Музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, где он и хранится в настоящее время. Пользуемся случаем поблагодарить сотрудников музея за предоставленное нам право опубликования этой интересной находки.

Надпись на лицевой стороне выполнена довольно глубоко врезанными буквами. До нас дошло полных 7 строк, возможно, надпись продолжалась и дальше, но снизу камень отбит. Об этом говорит и то, что в тексте отсутствует имя дедиканта (рис. 2, 3).

1. Ἀγαθῆι
Τύχηι.
εὐχάρισ —
τῆριον θε —
5. φ Διῖ Διβε —
ρανφ εὐ —
χῆς χάρις

Перевод: «С добрым счастьем. Благодарственное приношение богу Зевсу Диберанскому по обету...».

В стк. 6 мастер начал вырезать какую-то букву, похожую на ρο, но бросил, заметив свою ошибку.

⁴ См. М. И. Ростовцев, Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре, ИАК, вып. 40, 1911, стр. 38.

⁵ Условия находки сообщены в письме А. М. Гилевич, которой авторы выражают свою благодарность.

Рис. 3 а. Боковой рельеф левой стороны мраморного алтаря

Таким образом, камень представляет собой небольшой алтарик, поставленный по обету неизвестным лицом Зевсу Дибераанскому. Интересна эпиклеза божества. Насколько мы знаем, есть только две аналогии такому эпитету, имеющему там несколько иную форму: $\Delta\iota\beta\epsilon\rho\alpha\alpha\acute{\nu}\omicron\varsigma$. Одна надпись происходит из Миконоса⁶, другая из Нижней Мёзии, она переиздана недавно Г. Михайловым⁷. Происхождение названия неясно, Омолль считает, что оно возникло из названия фракийского города. Подобный фонетический переход $\mu \rightarrow \beta$ (или наоборот) может иметь, соответственно, различную природу. Превращение m в b объясняется в данном случае диссимилиацией под влиянием следующей согласной — *ню*, например: $\Gamma\epsilon\rho\mu\alpha\upsilon\kappa\omicron\varsigma \rightarrow \Gamma\epsilon\rho\beta\alpha\upsilon\kappa\omicron\varsigma$, $\Sigma\mu\acute{\omicron}\rho\upsilon\alpha\upsilon\chi\alpha\upsilon \rightarrow \Sigma\beta\acute{\omicron}\rho\upsilon\alpha\upsilon$ и т. д.⁸ Если же, напротив, b перешло в m , то это вытекает из природы так называемой дальней ассимиляции, например: $\lambda\upsilon\kappa\acute{\alpha}\beta\alpha\upsilon\tau\iota \rightarrow \lambda\upsilon\kappa\acute{\alpha}\mu\alpha\upsilon\tau\iota$, $\beta\omicron\upsilon\upsilon\iota\alpha\varsigma \rightarrow \mu\omicron\upsilon\upsilon\iota\alpha\varsigma$, опять под влиянием того же звука μ ⁹. Какое явление имеет место в нашем

⁶ Th. Homolle, BCH, XV, стр. 625; ср. RE, V, 1905, стр. 647 s. v.

⁷ IGBR, II, № 715.

⁸ K. Brugmann, A. Thumb, Griechische Grammatik, Münch., 1913, стр. 517.

⁹ Там же, стр. 156.

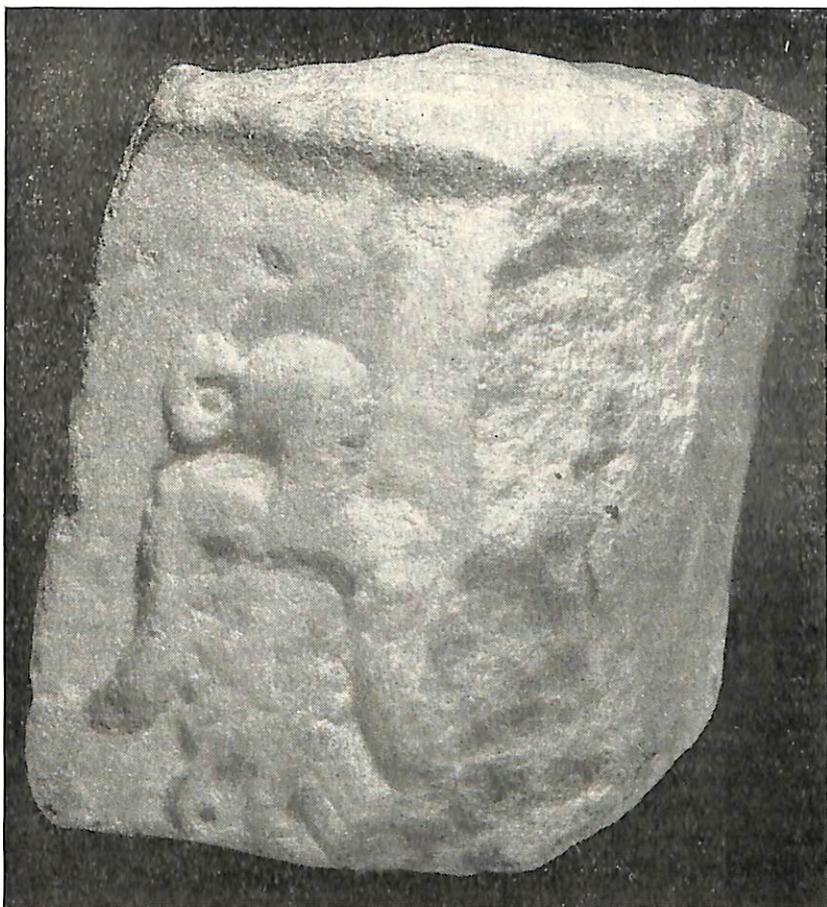

Рис. 3 б. Боковой рельеф правой стороны мраморного алгара

случае, решить трудно, но поскольку мы имеем все-таки больше надписей с консонантизмом *m*, да к тому же одна из них происходит с исконной территории Фракии, мы бы отдали предпочтение первому.

Сразу же встает вопрос о месте производства памятника. Как известно, в Северном Причерноморье своих месторождений мрамора нет, так что материал привозной. Но где исполнена надпись и рельефы? В решении этого вопроса помогает анализ палеографии. Шрифт нашего документа отличается одной характерной особенностью: формы одних и тех же букв имеют различные начертания. Так, *тета* в одном случае вырезана с поперечной густой, не доходящей до границ окружности и апицированной, в другом месте эта поперечная черточка смыкается с кружком по линии диаметра; *сигма* и *омега* в одном случае курсивны, а в другом угловаты. Подобный эклектизм вообще характерен для первых веков нашей эры, однако в херсонесских надписях он не встречается. Зато мы имеем многочисленные аналогии с территории, откуда происходит культ Зевса Димебранского — из Нижней Мёзии. Многочисленные примеры можно найти во II томе Корпуса надписей Г. Михайлова, все они относятся к императорской эпохе, по большей части ко II—III вв. н. э. Особенно хочется указать на надписи IGBR, II, № 645 и 658, где, как и в нашем памятнике, не

одна, а несколько букв (*сигма* и *омега*) имеют различные начертания. Поэтому можно с полной уверенностью заключить, что камень в готовом виде был привезен из Нижней Мёзии, и датировать его концом II — первой половиной III в. н. э.

Кто же посвятил этот алтарь Зевсу? И из предшествующего и из последующего изложения следует, что это был не местный житель, херсонесит, а скорее всего солдат-легионер из мёзийской армии, оккупировавшей Таврику во II—III вв. н. э. После замечательных исследований М. Ростовцева и с накоплением большого эпиграфического и археологического материала картина римской оккупации Крыма сейчас в общих чертах ясна. Она проходила в два этапа. В первый период, при Флавиях, у берегов Крыма стояла римская эскадра, базой которой был Херсонес¹⁰. Сухопутные войска, кажется, не были введены. В Ай-Тодоре руками моряков и с помощью общины Херсонеса была возведена римская крепость Харакс. При Домициане в связи с усилением Гетского царства и беспокойным положением на Дунае флот уходит от берегов Крыма и Харакс покидает его гарнизон.

Во II в. римская мёзийская армия вновь оккупирует Таврику с центром в Херсонесе, причем здесь появляются солдаты сначала I Италийского, а затем XI Клавдиева и V Македонского легионов, а также вспомогательных когорт¹¹. Конец оккупации точно не известен, Ростовцев относит его к середине III в. и связывает это с готским нашествием и необходимостью для римлян укрепить дунайские границы¹². Наша надпись относится, несомненно, ко второму периоду. Боковые рельефы на ней, представляющие двух орлов с венками в клювах — птиц, посвященных Зевсу и Юпитеру, исполнены по образцу рельефов императорского времени в схеме легионных значков. Они имеют аналогию по своей композиции в одном алтаре из Херсонеса, очевидно, также привозном¹³. Эти изображения тоже говорят в пользу того, что посвятителем был легионер¹⁴. Факт находки алтаря за пределами города вблизи древней дороги мог бы указывать на отношение дедиканта к бенефициариям Херсонесской вексилляции, сторожевые посты которых были размещены на скрещивании важных в стратегическом отношении магистралей.

В настоящий момент установлено, что во II в. н. э., особенно ко второй его половине, мёзийские легионы набирались главным образом из местного населения — фракийцев, причиной чему явилась военная реформа Адриана. Процесс этот был постепенным, но в конце концов привел к коренному изменению в составе армии¹⁵. Основанием для таких выводов послужило большое количество эпиграфических и археологических источников, а также памятников религиозного характера. В этой связи хотелось бы привлечь еще один интересный документ, свидетельствующий об этническом составе отрядов мёзийской армии, расквартированных в Северном Причерноморье. Это — граффито, выполненное по сырой глине до обжига на черепице с клеймом Флавиева мёзийского флота, которая была най-

¹⁰ М. И. Ростовцев, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость, ЖМНП, 1900, март, стр. 140—158 (цитируется по отдельному оттиску особой пагинации — стр. 18).

¹¹ Там же. Ростовцев, Святыхище фракийских богов..., стр. 37 сл. Ср. А. Н. Щеглов, Фракийские посвятельные рельефы из Херсонеса Таврического, сб. «Древние фракийцы в Северном Причерноморье», М., 1969, стр. 136.

¹² Ростовцев, Римские гарнизоны..., стр. 18.

¹³ Соломоник, ук. соч., № 18, табл. VII. Попутно заметим, что чтение Соломоник в стк. 1 'Αρ]χίστρ[ατος довольно сомнительно. Судя по фотографии, на камне довольно четко, как и на нашем памятнике, читается: εὐχ] ἀριστ[ρ]ου.

¹⁴ Ср. Соломоник, ук. соч., стр. 53.

¹⁵ Т. Д. Златковская, Мёзия в I—II в. н. э., М., 1951, стр. 120 сл.

дена с другими клеймами V Македонского и I Итальянского легионов при раскопках городища у с. Орловка (бывш. Картал) на Дунае. Известно, что на этом городище находилась крепость, в которой размещался гарнизон солдат указанных выше легионов; с него происходит латинская надпись с посвящением легата (?) V Македонского легиона за здоровье императора Марка Аврелия (IOSPE, I², № 1). Рассматриваемое нами граффито¹⁶ представляет собой короткую надпись, бессмысленную с точки зрения греческого языка: ΛΕΒΕΚΣ. Однако она прекрасно читается, если принять ее за греческую транслитерацию латинских слов: le(gionis) vex(il-latio). В такой транскрипции ничего необычного нет, так как мы знаем большое число надписей, в частности из Нижней Мёзии, с подобной передачей латинских военных терминов, например, βενετικίλιος, βετοχνός, κώρτη, λεγίον и т. д.¹⁷ Поскольку надпись выполнена по сырой глине, следовательно, нанес ее изготовлявший эту черепицу солдат-легионер, в этнической принадлежности которого едва ли можно сомневаться — это несомненно фракиец, которому гораздо ближе был греческий язык. Римлянин написал бы, конечно, по-латыни. То, что подобная заметка стоит на черепице с клеймом Флавиана мёзийского флота, нисколько не противоречит нашему толкованию: она могла быть пометкой с целью исправить ошибочно поставленный (случайно, а быть может сознательно фальсифицирующий) штемпель флота, в то время как черепица была изготовлена руками солдат сухопутных войск. Такая ремарка могла иметь значение при учете произведенной продукции.

Изменение этнического состава римских легионов повлекло за собой резкое изменение в культуре и религии армии и соответственно какие-то сдвиги в культуре тех областей, которые эта армия оккупировала. В последнее время этот вопрос получил дальнейшее освещение в успешных работах ряда советских исследователей, в частности в статьях А. Н. Щеглова. В настоящий момент ясно, что сильное влияние позднефракийской культуры и религии сказалось не только в культурной жизни римской причерноморской армии, но и в культурном облике северопонтийских городов — Ольвии, Херсонеса и т. д. В Северном Причерноморье с приходом легионеров-фракийцев появляются гладиаторские бои¹⁸, обычай посвящения мраморных votivных табличек с изображением божеств фракийского пантеона¹⁹, пришлые культы синкретизируются в какой-то степени на новой почве с местными богами²⁰ и т. д. Очевидно, как мы предполагаем, появление легионов обусловило переход херсонесской официальной документации от дорийского диалекта к койнэ со второй половины II в. н. э. Публикуемая надпись — новый штрих в наших знаниях по этой проблеме. Конечно, у нас нет никаких данных для утверждения, что культ Зевса Дибранского внедрился в Херсонесе, да и скорее всего этот культ (о котором, кстати сказать, мы толком ничего не знаем) оставался в сфере религиозной жизни легиона. Однако он вполне мог влиться в общий культ Зевса и римского Юпитера, о существовании которого в Херсонесе мы располагаем достаточными сведениями и который там играл немаловажную роль с самого раннего времени. Достаточно сказать, что несмотря на то,

¹⁶ И. Д. Головкин, Р. Д. Бондарь, А. Г. Загинайло, Археологические исследования у с. Орловка Болградского р-на Одесской обл-ти, КСОГАМ за 1963 г., Одесса, 1965, стр. 79, рис. 3, 2.

¹⁷ См. IGBR, indices. Из другого района нашего Юга нам известно еще одно подобное явление — граффито на горле амфоры римского времени из Семеновки (КСИА, вып. 89, стр. 99—100, рис. 37, 3: Σιλβάνου = Silvani).

¹⁸ А. Н. Щеглов, К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом, «Египет», V, 1966, стр. 99—105.

¹⁹ Он же, Фракийские посвященные рельефы..., стр. 135 сл.

²⁰ Там же, стр. 170.

что Дева занимала ведущее положение в херсонесском пантеоне, в присяге херсонеситов Зевс стоит на первом месте. Известно о его почитании под разными эпikleзами и во II в. н. э. (IOSPE, I², № 413, 438).

Таким образом, разобранные здесь две новые надписи обогащают наши знания о довольно темном периоде в политической жизни города — II в. н. э. и проясняют новые детали религиозной жизни стоявших в Херсонесе легионеров.

NEW INSCRIPTIONS FROM TAURIC CHERSONESUS

by B. N. Grakov and Yu. G. Vinogradov

Two new epigraphical documents are published in this article. The first inscription, of which only fragments are preserved, concerns internal troubles in the city at the end of the second century A. D., known to us from another, closely similar inscription (IOSPE, I², № 355). The second inscription is cut on a marble altar with eagles depicted in relief on either side. Analysis of the text leads the authors to conclude that the altar was dedicated to Zeus Diberanus by an unknown Thracian legionary of the Moesian army, which occupied the Tauric peninsula in the second and third centuries. Both documents enrich our knowledge of an obscure period in the city's history, the second century A. D.
